

I.

Старый судъ.

Въ судахъ была Россія черна неправдой черной.

Эти слова поэта прежде всего приходятъ на память, когда заходить рѣчь о такъ называемомъ „старомъ судѣ“.—И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда уже сдѣлана удачная характеристика явленія, когда есть „крылатое слово“,— мысль наша невольно спѣшитъ укрыться за готовую формулу, освобождая себя отъ труда самостоятельно анализировать, выстрадать тотъ или другой выводъ.

А между тѣмъ—стоить и очень стоитъ задуматься надъ дoreформенными судебными порядками. Еще въ 1863 г.*), на зарѣ новой жизни, нашъ бессмертный сатирикъ со свойственной ему поразительной прозорливостью вкладываетъ въ уста „Семена Михайловича“ слова Кассандры: „...Спрашиваю я Васъ: возможно ли существованіе безъ системъ?... Слѣд., мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится, потеплится, да и воспрянетъ настоящимъ пламенемъ“. Потомъ, когда въ 1880-годахъ въ одинъ всеподданнѣйшій адресъ дворянства, корпораціи, которая „не далъе какъ 20 лѣтъ тому назадъ была еще законною носительницей и представительницей, палладіумомъ самаго вопіющаго официального неправосудія, какое когда либо знаяла страна“, включено было выраженіе о пресъченіи неправосудія, И. С. Аксаковъ**) страстно

*) Современникъ 1863 г. № 1. „Послѣ обѣда въ гостяхъ“.

**) Сочиненія. Т. IV, с. 152, сл.

писаль: „Поразительно коротка память у русского общества..... Будьте благонадежны; станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость,—все вернется: и взятки и мошенничество, и всякое кривосудіе!“—А теперь вотъ, когда мы уже вступили въ двадцатое столѣтіе, съ легкой руки „Гражданина“ мысль о подчиненіи судовъ губернаторамъ, о возрожденіи Семеновъ Михайловичей стремится перейти въ область практическаго осуществленія.

Что же такое этотъ старый судъ, въ чемъ его сущность? Какъ справедливо указывалось въ одной изъ объяснительныхъ записокъ конца 50-хъ годовъ къ проекту устава угол. судопроизводства, „уголовное наше судопроизводство никогда не подвергалось общемуному пересмотру и не было предметомъ особой систематической законодательной работы. Нынѣшняя книга II-ая т. XV Свода Законовъ есть ничто иное, какъ собраніе разнородныхъ постановленій, частью оставшихся отъ древняго нашего законодательства, частью же изданныхъ впослѣдствіи, въ разныя времена, при общихъ или частныхъ преобразованіяхъ по судебнай и административной частямъ, или же нерѣдко и для разрѣшенія какихъ либо частныхъ, или по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Отъ сего проходитъ, что сіи постановленія вообще не полны, не имѣютъ необходимой между собой связи и надлежащаго единства, а иногда и противорѣчатъ одни другимъ“. Благодаря этимъ постепеннымъ наслоеніямъ и частичнымъ измѣненіямъ, которыя нерѣдко производились для удовлетворенія потребности минуты, a priori можно сообразить, что организація суда, взаимоотношеніе судебныхъ инстанцій или, какъ ихъ тогда называли современники, „одиннадцати мытарствъ“ должна была быть чрезвычайно сложной и запутанной.—Первую степень суда составляли: уѣздные суды, магистраты, ратуши, надворные суды, межевые конторы, коммерческие суды. Кромѣ того существовали совѣтные суды, узаконенные третейскіе суды; для крестьянъ—сельскія и волостныя правленія; въ дѣлахъ гражданскихъ (напр. конкурсныхъ по дѣламъ лицъ не торговаго

званія) съ судами конкурировали губернскія правленія и поліція, производившая по гражданскимъ дѣламъ безспорныя взысканія, а по уголовнымъ дѣламъ слѣдствія. Составъ этихъ судовъ былъ почти исключительно выборный: уѣздный судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ судьи изъ двухъ засѣдателей отъ дворянъ и двухъ отъ поселянъ, магистраты и ратуши составлялись изъ 2-хъ бургомистровъ и 4-хъ ратмановъ. Вторую инстанцію составляли палаты уголовная и гражданскія, соединявшіяся въ менѣе значительныхъ городахъ въ одну палату. И въ этой инстанціи, кромѣ товарища предсѣдателя, назначавшагося правительствомъ, всѣ остальные члены, т. е. предсѣдатель, два засѣдателя отъ дворянъ и два отъ купечества были выборными. (Раньше палаты угол. и гражд. суда составляли 3-ю инстанцію, а вторыхъ было также много, какъ и первыхъ. Но въ 1797 и 1801 г. вторыя инстанціи уничтожены). Наконецъ третью инстанцію представлялъ Правительствующій Сенатъ, состоявшій исключительно изъ назначенныхъ правительствомъ судей—сенаторовъ.

Уѣздному суду подсудны были всѣ сословія, кромѣ купцовъ и мѣщанъ, подвѣдомственныхъ магистрату и ратушѣ (магистраты учреждались въ большихъ городахъ, ратуши въ незначительныхъ). Надворный судъ былъ учрежденъ въ столицахъ и „вѣдомству его подлежали уголовная дѣла лицъ, пребывающихъ въ столицахъ по службѣ придворной, или гражданской, или по дѣламъ своимъ, промысламъ и упражненіямъ; также дѣла иногороднихъ и разночинцевъ“. Изъ гражданскихъ дѣлъ въ надворныхъ судахъ разбирались споры, возникшіе противъ обязательствъ, представленныхъ ко взысканію, подлежащіе судебному разсмотрѣнію, также иски объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ на чиновниковъ, временно пребывающихъ въ столицахъ, и разночинцевъ, неимѣющихъ недвижимой собственности. Я воздерживаюсь отъ приведенія здѣсь многочисленнѣйшихъ исключеній изъ этихъ общихъ правилъ, потому что цѣнной сильного утомленія вниманія читателя мы дали бы только возможность путемъ личной провѣрки

убѣдиться, до чего запутана была система судебной организаціи, но и безъ того, думаю я, такое впечатлѣніе не могло не овладѣть читателемъ. Прибавлю еще только, что совѣстному суду, помимо дѣлъ, „ввѣренныхъ по обоюдному добровольному согласію тяжущихся“, подвѣдомственны были дѣла между родителями и дѣтьми по имуществу и обязательствамъ, а узаконенный третейскій судъ учреждался для тѣхъ случаевъ, когда въ товариществѣ возникалъ споръ по дѣламъ, къ оному принадлежащимъ.

Разнообразію судебныхъ инстанцій соотвѣтствовали безконечныя варіаціи формъ процесса. Такъ, въ гражданскомъ судопроизводствѣ отмѣчается—судопроизводство распорядительное. Оно бываетъ двухъ родовъ—„или совершено выходящее изъ круга дѣлъ первыхъ и вторыхъ инстанцій суда(главнымъ образомъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ интересами казны), или служащее имъ преддверiemъ“. Сюда же относятся дѣла разбираемыя полиціей (по безпорнымъ взысканіямъ, о возстановленіи нарушенного владѣнія и т. п.), которая такимъ образомъ неразрывно сплеталась съ судебными учрежденіями, составляя одну изъ ступеней гражд. суда“. Далѣе слѣдуетъ дѣление на судопроизводство примирительное и понудительное. „Послѣднее имѣеть двѣ отрасли: дѣла исковыя и дѣла вотчинныя“. Вотчинныя дѣлятся на апелляціонныя и слѣдственныя, которые переносятся въ высшую инстанцію независимо отъ жалобы заинтересованныхъ лицъ. Въ исковомъ производствѣ различалось—производство скорокончательное и по взысканіямъ въ обидахъ, ущербахъ и самоуправномъ завладѣніи. Весь процессъ, не только уголовный, но отчасти и гражданскій, построенъ на такъ называемомъ началѣ инквизиціонномъ или слѣдственномъ, представляющемъ одинъ изъ моментовъ господства теоріи полицейского государства. Сущность этого начала удачно охарактеризована проф. Фойницкимъ*) въ слѣдующихъ словахъ: „идея государственности поглощаетъ всѣ другія: права лич-

*) Курсъ т. I, гл. II.

ности отрицаются въ обвиняемомъ, который становится предметомъ изслѣдованія, подлежащимъ экспериментамъ самыемъ суровымъ во имя государственного интереса (пытка, подслѣдственное задержаніе, тайна процесса); отрицаются эти права въ обвинителѣ; котораго замѣняетъ безличная воля закона, напередъ стремящаяся опредѣлить движение процесса; отрицаются и въ судьяхъ, которые связываются формальною теоріею доказательствъ—этою безличною логикою законодателя; понятіе сторонъ изгоняется изъ процесса; послѣдній перестаетъ быть живымъ судебнымъ споромъ ихъ и превращается въ безличное изслѣдованіе, движущееся волею одного закона; понятіе обвиненія замѣняютъ поводы возбужденія уголовнаго дѣла, обжалованіе уступаетъ мѣсто ревизіонному порядку, всѣ участвующія въ процессѣ лица обязываются по долгу службы стремиться къ раскрытию материальной истины, до-стиженіе которой объясняется государственнымъ интересомъ". Эти то принципы господствовали у насъ со времени Петра (этого своеобразнаго представителя полицейскаго государства) почти въ полной мѣрѣ: предварительное слѣдствіе находилось въ рукахъ полиціи, сосредоточиваясь въ такъ называемомъ земскомъ судѣ. Земскій судъ состоялъ изъ земского исправника и старшаго непремѣннаго засѣдателя (по выбору дворянства), двухъ сельскихъ засѣдателей, отъ поселянъ вѣдомства Госуд. Имуществъ, и изъ нѣсколькихъ правительственныхъ засѣдателей (становыхъ приставовъ).—Въ важнѣйшихъ слу-чаяхъ слѣдствіе производилось временнымъ отдѣленіемъ земского суда, въ обыкновенныхъ—становымъ приставомъ, а земскій судъ лишь провѣрялъ его. Въ городахъ земскій судъ замѣнялся управой благочинія и разнообразными присутствіями, состоявшими изъ полицеймейстеровъ, частныхъ приставовъ, слѣдственныхъ приставовъ, приставовъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и мн. др.*.) Порядокъ производства слѣдствія

*) Изъ общаго правила о производствѣ полиціей слѣдствій допускались многочисленныя исключенія. Наиболѣе любопытнымъ было то